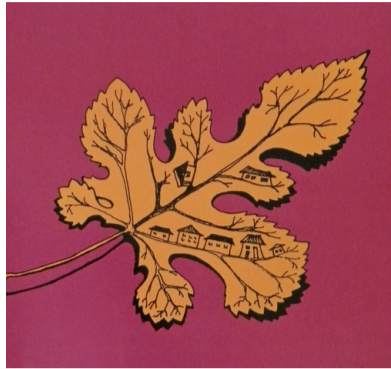

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕБ-СТРАНИЦА

ЗЫБИНКА

Выпуск №28
21.06.2024 г.

Александр МЕЛЬНИКОВ ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Летний вечер, как торт на блюде,
Песня «Ландыши» громко звучит.
Разводили в буфетной посуде
Водку с пивом, и рыбка лежит.
Было пять а, быть может, и восемь
Малолеток – отважных парней,
По рублю, и ничто не поможет
Уберечься от жарких страстей.
Танцплощадка – по виду цветочек,
Деревянный, досчатых мастей,
Центр вселенной для всех одиночек,
Шанс, чтоб стало дышать веселей.
Так смелее парням в разговорах,
Распинаясь от смеси шальной,
Говорить, что красивым узором,
Все вокруг для девчонки такой.
А потом, проводив до калитки,
Отмеряя до дома пути,
Обещали исправить ошибки –
Больше водку не лить в "жигули".
Вспоминается снова, как прежде,
Когда ландыш прорвется в эфир,
Будто молоды мы, есть надежды,
Ну, а счастьем заполнен весь мир.

В ПОЛЕ

Фото **Алексея КУДРЯВЦЕВА**

Эвелина ЧАРКОВСКАЯ В САДУ

Ну, что Вы всё меня ревнуете?
Мне до сих пор покоя нет.
И про любовь свою толкуете,
Сминая пачку сигарет.
Ну, что Вы всё меня ревнуете?
Никто из нас не виноват.
Украдкой тень мою целуете,
Как много лет тому назад...
Ну, что Вы всё меня ревнуете?
Блестит садовая скамья.
К чему о юности тоскуете?
У Вас чудесная семья.
Ну, что Вы всё меня ревнуете?
Сыграйте лучше в домино.
Напрасно прошлое волнуете:
Мой сад отпеленся давно.

Валентина БАСОВА КУВШИНКИ

Низко нависшие над водой стволы старых деревьев купали свои ветви в быстрых светлых струях, как бы отгородивших занавесью тихую заводь. Белые кувшинки и жёлтые кубышки сплошь покрыли своими листьями зеркальную поверхность под берегом. Казалось, эти цветы скрывали в глубине такую же тайну, как и человек в своей душе.

Олег нырнул и поплыл, а когда вышел на берег, в его руках был нежный букет кувшинок, напоминающий ту, для кого он был сорван.

Это лето было грозным, с тёплыми обильными дождями. В густой траве, поднявшейся после ливней, можно было скрыться с головой. На дальних покосах работа кипела вовсю, косили по утренней зорьке, и сушили сено в редкие солнечные часы, стараясь поскорее сметать его в скирды и стога. Кашеварить на две бригады прислали худенькую нескладную девчонку с длинными руками, острыми коленками и выступающими на узкой спине лопатками. Тихая и молчаливая она незаметно существовала среди громогласных и шумных мужчин, и лишь проворные руки делали своё дело умело и сноровисто. Как все деревенские девушки, она с малых лет стряпала и варила на всю семью, пока взрослые с темна и до темна пропадали в поле или на сенокосе. Умело обращалась с русской печью, где борщ и каша всегда были горячими и свежими. Так без всяких курсов и книг деревенские дети перенимали опыт своих бабушек, и этот опыт, годами передаваемый из поколения в поколение, пополнялся всё новыми знаниями, внося свои коррективы в деревенский разносол.

Ирина закончила кулинарное училище и стала кондитером, но, так и не привыкнув к городской жизни, вернулась в село, где прошло её детство. И вот теперь здесь, на дальних покосах, ей сложили немудрёную печку, на которой помещались две больших кастрюли и чайник. Прежде, чем разогреться, печь нещадно дымила, но это, казалось, насколько не смущало девушку, она привычно хлопотала, не обращая внимания на дым и на неустроенность быта, неторопливо ходила от стола к печи и обратно, при этом мимоходом успевала стереть пыль со стола, поправить тент над печью, сполоснуть грязную посуду. В полевых условиях было не до разносолов, главное, чтобы еда была сытной и вовремя, но Ирина рассуждала по-своему: еда должна быть разнообразной и по возможности вкусной. Из картошки она жарила зразы с луком, в каши добавляла борщевик или пажитник, которые рвала тут же на склонах, чай заваривала с душицей, тимьяном и чабрецом. По тёмному, когда уставшие косари уходили спать, она спускалась к речке и ловила всякую рыбёшку на уху, при свете костра чистила её и укладывала в чёрные от сажи чугуны, а утром, ещё до света, уже видели её нескладную фигурку склонившуюся над кастрюлями. Как-то самый старый из косарей Иван Иваныч крикнул в прокуренные усы

– Ты, Ириша, прямо ведьмачка какая-то! Чё ни состряпашь, всё вкусно. Или слово знаешь? Ну, прямо загляденье, а не каша! И чего ты там в неё добавляешь?

Олег обернулся к девушке, которая от странной похвалы зарделась ярким пламенем, и неожиданно

обнаружил какие у неё ясные, чистые глаза! Румянец и смущение преобразили её и вмиг из простушки превратили в красавицу, куда-то вдруг делись неуклюжесть и худоба, на него смотрела счастливая женщина, и мягкая улыбка окрасила её лицо. Но это длилось лишь мгновение, она тут же отвернулась и молча отошла к печи. А вечером он слышал, как она, напевая, прошла мимо его шалаша к реке. И что-то будто толкнуло его, потянуло на волю, вдруг стало душно и тесно в шалаше. Он вылез наружу. От реки по склонам плыл белый туман, пряно пахла скошенная трава, в ближнем леске укладывались на ночь птицы, шуршали, вскрикивали. Он спустился вниз. Ирина на шатких мостках полоскала бельё. Услышав шаги, тревожно вскинула голову, увидев юношу, удивлённо подняла брови. В этой маленькой хрупкой девочке удивительным образом уживались и ребёнок, и взрослая женщина. Она молча посмотрела на него, и лёгкая улыбка чуть тронула её губы, смягчив скулы и острый подбородок, придав лицу неповторимую прелесть. От её улыбки он ступеялся.

– Тебе помочь? – сказал он первое, что пришло в голову.

– Спасибо. Не мужское это дело... – Она помолчала. – Хочешь, тебе постираю?

Он помотал головой, но про себя отметил, что ему это было бы приятно. Назад шли неспеша, гуськом поднимаясь в гору. Он нёс за ней мокрые вещи, и в темноте пытался представить её лицо, но вместо этого видел ноги в шлёпанцах и спортивные брюки, которые она носила постоянно. Разошлись так же молча, она лишь кивком поблагодарила за помощь и ушла под навес, оставив его одного в темноте. Но с этого дня Олег постоянно думал о ней, старался помочь, чем мог, и хотя они почти не разговаривали, между ними возник молчаливый диалог взглядов, жестов, душевных порывов. Он удивлялся её работоспособности, когда бы он ни проснулся. Она всегда была на ногах, будто и не ложилась вовсе, но при этом всегда бодрая, чистенькая, аккуратная. Он ни разу не услышал от неё ни одной жалобы или просьбы, ни разу она ни на кого не обиделась, не выразила неудовольствия – всегда спокойная, ровная со всеми, молчаливая. Но всё чаще он ловил на себе её взгляд, будто она о чём-то просила. Иван Иванович первым заметил это и по-привычке крикнул в усы:

– Чё, Олешка, хороша девка?

Но Олег не успел ответить, как тут же вмешался Сашка, здоровяк и обжора.

– Не вздумай, Олег, это разве женщина? Ни спереди, ни сзади...

Олег уже привстал, готовый сцепиться с насмешником, но Иван Иванович лёгким движением руки усмирил его.

– Погодь! Не обращай внимания на Сашка, ему было бы чего пощупать. А ты человека ищи, а не килограммы, смотри глубже, ведь бабе-то что нужно? Понимание... и любовь! – Он поднял руку и многозначительно ткнул пальцем в небо. – Понимание и любовь. А как полюбишь, так она тебе красивее всех казаться будет. А Иришка девка хорошая, самостоятельная, не вертихвостка какая. А то всё... были б кости, а мясо будет. Родит и вширь пойдёт, а там и красота откуль ни возь-

мись появится, Да разве дело в красоте, ты не переживай, она не хуже других, ты главное в сердце её загляни...

Олег был благодарен старику за этот разговор и за Ириной стал приглаживать ещё внимательнее. Ирина не слышала этого разговора, но женская интуиция подсказала ей, что вокруг неё возник какой-то интерес, это испугало и насторожило её, но мудрый и всевидящий Иван Иванович как-то вечером вроде ненароком обронил:

– Не сердись, дочка, всё хорошо, это мужики по своим жёнам соскучились.

Тот день на удивленье выдался жарким, без дождя. Мужики на радостях разделись и половина из них обгорела на солнце, особенно городские, что приехали помогать. К становищу пришли уже в сумерках, наскоро поели и, охая, отправились спать. Олег обгорел больше других, нежная непривычная к быстрому загару кожа, покраснела и горела немилосердно. Ему и стыдно было обращаться к Ирине, но другого выхода не было. Она увидев его спину и плечи, охнула и молча повела за руку в свой шалаш. Там, порывшись в рюкзаке, нашла какой-то тюбик и намазала обгоревшую кожу мазью. Её прохладные пальцы лёгкими мотыльками летали по его спине и груди, вызывая жгучее желание обнять и прижать её к себе, но он боялся даже пошевелиться, чтоб не вспугнуть возникшую между ними близость. Но она, будто почуяв что-то, строго глянула на него и выпроводила наружу. Жжение прошло, но спать он уже не мог, долго, бесцельно бродил по становищу, присаживался к потухающему костру, пил воду из бадейки, снова ходил, но сон не шёл, он вспоминал её руки, слышал её дыхание, близко видел её глаза, густо опущенные ресницами, губы, слегка вытянутые от усердия и ему нестерпимо хотелось пойти к ней, разбудить, растормошить, чтоб она засмеялась, ведь за всё это время он ни разу не слышал, как она смеётся.

Бывают такие простые, незаметные люди, которые с первой встречи не производят на вас никакого впечатления, но общаясь с ними, каждый раз открываешь в них что-то новое, удивительное, что притягивает, заставляет ждать каждой новой встречи и в конце-концов влюбляешься, и эта любовь даёт тебе такие силы, которые окрыляют и толкают на безумные поступки.

Олег решительно шагнул к её шалашу. И как только он откинул полог, две руки обвили его, и горячие губы ткнулись ему в шею. Они шептались друг другу что – то бессвязное, лихорадочное, трепетное... Сколько жизни и силы оказалось в этой маленькой хрупкой девочке и как целомудренна она была!

А утром она что-то напевала возле своих кастрюль, и на сковородке весело шкворчало сало с луком, и день занимался тёплым, радостным, незнакомым.

А в это время Олегу снился родной город, завод, и мама держала на руках его сына, а рядом Ирина, и её зелёные с тёмными крапинками глаза смеялись счастливым смехом, и жёлтые кувшинки, как символ его любви, были вплетены в её волосы.

Страницу подготовил
Константин Попов